

✓ Творчество наших читателей

Сынок, прости...

"Колька-Колька!" — Под окном дома стоял вихрастый мальчуган с палкой в руках и истошно кричал. По-всему было видно, что он обладал чрезвычайной новостью. Колька встал с кровати, подошел к окну. Протирая заспанные глаза, он с ворчанием прикрикнул на друга: "Чего?!" "Чего-чего, к тебе училка идет. Вот". И тут раздался дверной звонок. Шлепая босыми ногам по давно немытому полу, мальчик прошел в коридор. Открыв дверь и увидев незнакомую женщину, опешил. Колька совсем не хотел, чтобы посторонний человек увидел беспорядок в квартире, но было уже поздно, — милотвидная средних лет женщина перешагнула порог и вошла в квартиру, где еще недавно жила благополучная, полноценная семья. А теперь, после смерти главы семьи, мать полгода уже пьет. Отсюда все последствия

теперешней жизни. "Коля, я твоя учительница. Зовут меня Ирина Ивановна. 1 сентября у тебя начинается новая жизнь, — ты идешь в первый класс. В понедельник приходи с мамой в школу." — "А мама болеет, я один приду" — ответил грустно Коля. "Ну, хорошо, приходи один", — сказала учительница и ушла. Колька вошел в комнату, подошел к дивану, на котором спала пьяная мать, и стал тормошить ее: "Мам, Мама, вставай. Мне завтра в школу идти, а у меня портфеля нет и одевать не знаю чего". У мальчика текли слезы, слезы обиды. Он мечтал, что папа с мамой, взяв его за руки, поведут его, Кольку, нарядного, с цветами, в школу. А вышло вон как. Мать привстала с дивана и, угрюмо посмотрев на Кольку, ушла из квартиры. Вернулась через 2 часа и легла опять на диван. Колька осмотрел карманы ма-

тери в надежде найти сколько-нибудь денег, но нашел только несколько рублей. Взяв деньги, Колька пошел в магазин, чтобы купить красивый пакет, в который он положит учебники и тетрадки. А вечером он долго искал себе брюки и рубашку. Оказывается, из подходящей одежды он давно уже вырос. И припас на утро не первой свежести штаны и кофту. Но и тому был рад.

Утром, когда проснулся, увидел, что матери нет дома. На столе стояла кастрюля еще с теплой картошкой. И рядом два куска хлеба. И записка с печатными буквами: "Сынок, родной, прости маму". По дороге в школу его догнал рыжий Гришка.

Он уже большой, в 4 класс перешел. И как всегда испортил настроение: "Ты куда с пакетом пошел? В магазин что ли?" — язвительно сказал Гришка. —

"Мама получит деньги и мне крутой рюкзак купит". — "Купит-купит, как же, она вино пьет". Уже подходя к школе, он увидел много детей. Они были с папами, с мамами, веселые, нарядные, с цветами, и у всех красивые рюкзаки. Колька прижался к забору и заплакал. — "Что плачешь, малыш? Заблудился? Пойдем, я тебя провожу", — рядом стояла молодая мама. Она держала за руку девочку с большими белыми бантами. Взяв Кольку за руку, она подвела его к стайке первоклашек. — "Ирина Ивановна, это не ваш ученик?" "Мой-мой. Коля, здравствуй. Иди к нам". В школе Кольке очень понравилось. Когда он укладывал в пакет новые учебники и тетрадки, сказал учительнице: "Вот моя мама получит деньги и купит мне красивый рюкзак."

Она у меня хорошая, и вино не пьет совсем", — наивно солгал Колька. А вечером того же дня, в квартире раздался звонок. На пороге стояла учительница. Она держала в руках большой пакет и новый школьный рюкзак. "Вот, Коля, с маминной работы принесли к нам в школу тебе подарок, — новый школьный костюм и рюкзак", — сказала Ирина Ивановна и ушла. Колька счастливый вошел в комнату. На диване, виновато улыбаясь, сидела мать, и, опустив глаза, тихо сказала: "Сынок, прости"...

Геннадий БАРДИНСКИЙ

**Как над речкою Окой
Церковь в Карповке стоит,
Церковь в Карповке стоит,
Купол золотом горит..
Купол золотом горит,
Звонарь в колокол звонит.
Собирайся, божий люд,
В храм на службу вас зовут,
В храм на службу всех зовут,
Люди в Божий храм идут...
Словно на гору Фавор
Нас Спаситель в храм привёл,
Ты, святитель Николай,
Нас от бед оберегай,
Божьей Матери Покров
Нас спасает от врагов,
В храм наш с радостью идем —
Карповка — наш родной дом.**

Одной девочке всегда казалось, что храмы очень похожи на людей. Может, кому-то это покажется смешным и нелепым, но у каждого же свое восприятие окружающего мира. Все мы очень разные, как, собственно, и этот многогранный мир. Посмотрите на собор Александра Невского, как будто внимательный ратник стоит он над нашими могучими реками Волгой и Окой, зорко наблюдая, всё ли в его владениях в порядке. А церковь Рождества Богородицы, что на Рождественской улице напротив речного вокзала! Как будто чопорная княгиня вывела на прогулку юных воспитанниц... Разве знала тогда, много лет назад, смешная девочка, посещая музей прикладного искусства, расположенный в этом храме, что здесь будут учиться воспитанницы епархиального училища... А вот Крестовоздвиженский собор, тот, что ныне в женском Крестовоздвиженском монастыре, в пору его возрождения, когда он был собором, очень напоминал ей израненного богатыря, сильно израненного, но выстоявшего в трудном бою. Может, это смешно, но очень хотелось поддержать его. По вечерам, когда на территории никого не было, девочка подходила и гладила его стены.

А вот Карповка, она как корабль. И когда мы приходим на богослужение, то кажется, с ударом колокола начинается наше плавание в другой мир, мир, который мы не видим глазами, но слышим сердцем. Иначе зачем такому множеству людей стоять несколько часов на одном месте... Это же не театр, с одним и тем же спектаклем, и одними и теми же главными лицами!

Как здорово было сидеть в храме зимними вечерами, когда рано темнеет, и только свечи, словно о чем-то перешептываясь друг с другом, медленно таят, превращаясь в маленькие огарышки.

А с улицы стекаются разные шумы — это и шуршание проносящихся мелких автомобилей, и пронзительный, давящий на уши, рев сирены «скорой помощи», а порой и жуткое завывание ветра через вентиляционные отверстия храма. Одно время здесь работала продавцом в церковной лавке добрая женщина Нина, да руй ей, Господи, Царство Небесное. Иногда ей казалось, что в храме кто-то поет. «Слышишь?» — спрашивала она. Девочке не хотелось ее огорчать, и она только улыбалась в ответ.

Сегодня девочка сидела в храме одна. За окном стемнело, и казалось, что рядом течёт какая-то невидимая жизнь. Говорили, что Богослужения идут и на земле, и на небе одновременно. Вечерняя служба в земном храме сегодня закончилась, и ей было интересно, а продолжается ли она еще на Небе? Сколько за эти два века священнослужителей и прихожан вот так же, как и она сейчас, сидели у этих стен, в тишине, после службы...

Два года назад каменному храму исполнилось 200 лет. Вернее, если быть совсем точными, двухсотлетний юбилей отметила колокольня, так как храм неоднократно менял свой облик — то он расширялся, то ремонтировался — и в середине XIX века, и в конце XX, когда пристроили придел святителя Николая, заметно увеличив размеры храма. А тут еще и придел Покрова Пресвятой Богородицы из храма в крестильно перенесли... И только колокольня оставалась неизменной.

В этот вечер девочка сидела и слушала тишину. Звуки, порой нарушающие ее, иногда и впрямь казались мелодичными, как будто невидимые певцы проводили свою спевку.

Двести лет... Сколько судеб прошло за эти годы через наш храм... Что бы поведал он, если бы мог говорить не только колокольным языком, но и человеческим?

Наивная девочка не знала, что стены тоже имеют глаза и уши, больше того, старая колокольня слышала ее мысли и даже пыталась отвечать на них, только девочка не слышала ее голоса...

Колокольня в Карповке была довольно высокая. Увенчанная острым шпилем и крестом, она издали была видна, несмотря на то, что сама церковь находилась в низинке. Когда-то, лет двести назад, местные жители и не предполагали, что их село станет частью Нижнего Новгорода — Балахнинский уезд... И нынешние жители не смогли бы представить сейчас жизни этой части города без моста, без шумной автотрассы, без этих заводов и многоквартирных домов, стоящих на чьих-то захоронениях...

Селяне... Тут и гумно неподалеку было... Занимались привычными ремеслами, огородничали, скотинку держали...

А по праздникам торопились на службу в храм. Колокола звонят, созывают всех на богослужение. В храм принято было нарядными приходить. Воскресенье — что малая Пасха! А уж такие особые праздники как Пасха, Троица, Рождество,

Крещение, престольные — так тут особая радость! А уж как крестным ходом вокруг храма, а то и подальше пойдут, люду собиралось, мал и стар, всё село, да из соседних деревень приходили, благо недалеко. Только вот неладное случилось — помешало кому-то такое житие. Вот и началась заваруха. Церкви, как люди, у каждой своя судьба. Кого-то к смертной казни приговорили, да взорвали, кого-то в иных целях использовать стали, а только в Карповке богослужения долгое время ещё продолжались. Пришло время, и карповских священнослужителей увезли и расстреляли, а церковных тружеников раскидали по лагерям. И колокола, чтобы не мешали спать спокойно, да на совесть не давили, тоже замолчать заставили — с колокольни скинули. Вот и получается, что, вроде, как на одной земле жили, одним солнцем согревались, одну воду пили, а дела разные творили. Одни храмы разорять идут, а другие, жизни не жалея, стоят на охране церковных святынь, разграбить их не дают.

И до того преданы церкви они были, что так и забрал Господь души их из храма во время бомбежки в годы войны. Где ныне покоятся их останки — и расстрелянных священнослужителей, и защитников храма — только Богу ведомо. А потом разрешили храм наш открыть, службы возобновить, за Русь молиться надо было, больно фашисты жестоко действовали. Вот и возобновилась жизнь церковная! Сколько людей креститься, венчаться, причащаться сюда пошли?! Опять же одному Богу ведомо! Порой батюшка отслужит Литургию, а за ней молебны, да пока на все вопросы ответит, вышел из церкви, а уже обратно идти на вечернее богослужение надо! Хорошо, что рядом жил.

Колокольне было жаль нынешних людей, которые не понимали, что жизнь в Церкви — праздник! Они не чувствовали радости, хотя и читали «Радуйся!», не было искренности в их словах. Наверно, это потому, что люди привыкли ко лжи этого мира и поверили в нее. Они не несли в себе любви, ибо ее вытесняло самолюбие... Нет, не все, конечно... Но грустно было смотреть, как мечутся они со своими проблемами, которые сами себе либо создают, либо придумывают. РАДУЙСЯ! Хотелось крикнуть ей! Да она и кричала, вызывая всеми своими колоколами! Да не все это слышали...

Радуйся, творение Божие — человек! Не будь мелочным! Ты создан для Царства Небесного! Береги сокровище, доверенное тебе Самим Богом — бесценную свою душу! Это и есть самая сокровенная жемчужина!

Татьяна ПОКРОВСКАЯ